
РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ

Том III

**ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ
ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
В ОСМЫСЛЕНИИ СОВРЕМЕННОКОВ**

1861—1918

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
МУЗЫКАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ М. И. ГЛИНКИ

РУССКАЯ ДУХОВНАЯ МУЗЫКА
В ДОКУМЕНТАХ И МАТЕРИАЛАХ
Том III

ЦЕРКОВНОЕ ПЕНИЕ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ
В ОСМЫСЛЕНИИ СОВРЕМЕННОКОВ
1861—1918

Составление: *А. А. Наумов, М. П. Рахманова*
Вступительная статья, подготовка текста и комментарии:
М. П. Рахманова

ПОМЕСТНЫЙ СОБОР
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
1917—1918 ГОДОВ

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии:
С. Г. Зверева

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2002

ББК 85.318

Р 89

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 01-04-16107

Р 89 Русская духовная музыка в документах и материалах.
Т. III. Церковное пение пореформенной России в осмысле-
нии современников (1861—1918) / Гос. ин-т искусствозна-
ния; Гос. центральный музей музыкальной культуры
им. М. И. Глинки; Сост. А. А. Наумов, М. П. Рахманова;
Вступит. ст., подгот. текста и коммент. М. П. Рахмановой;
Поместный Собор Русской православной церкви 1917—
1918 гг. / Вступит. ст., подгот. текста и коммент.
С. Г. Зверевой. — М.: Языки славянской культуры, 2002. —
904 с., ил., вклейка после с. 448. — (Язык. Семиотика. Культура.)

ISBN 5-94457-067-9

Данный том возник как естественное продолжение, или расшире-
ние, первых двух томов серии, посвященных реформированному Сино-
дальному училищу церковного пения. В отличие от первого тома, где
композиционный принцип связан с персоналией, с фигурами крупных
деятели, и от второго тома, где последовательно освещаются разные
аспекты истории и деятельности Синодального училища и хора, в
третьем томе установлен принцип хронологический. Задача настоящего
тома — представление основных тенденций церковно-певческой жизни
и их идеологического осмысления в России второй половины XIX и
начала XX столетия, с упором на Москву как центр традиционной
культуры и на явления не индивидуального, а коллективного творче-
ства. Финальную часть составляют материалы Поместного собора
1917/18 годов, того его отдела, который сосредоточился на рассмотре-
нии вопросов церковного искусства.

На наш взгляд, материалы всего тома представляют интерес для
всех, кто ныне трудится в области церковно-певческого исполнитель-
ства и образования, поскольку, ввиду известных исторических обстоя-
тельств, острые вопросы предреволюционного периода не были разре-
шены и при нынешнем возрождении церковной жизни в России мно-
гие из этих вопросов вновь встанут в полный рост.

ББК 85.318

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o
M153, E-mail: koshchev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax:
45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки
славянской культуры», имеет только датская книжоторговая фирма G•E•C GAD.

© А. А. Наумов, С. Г. Зверева, М. П. Рахманова.
Подготовка текста, вступит. ст. и коммент.,
2002

© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика.
Культура», 1995

Оглавление

Вступительная статья.....	13
---------------------------	----

I. 1860—1870-е

Вступительная статья.....	25
Владимир Федорович Одоевский	46
<i>Д. В. Разумовский</i> . Музыкальная деятельность князя В. Ф. Одоевского	46
<i>К. В. О. [Князь Владимир Одоевский]</i> . К вопросу о древнерусском песнопении	50
<i>Любитель церковного пения [В. Ф. Одоевский]</i> . Заметки о пении в приходских церквях	61
Мнение кн. В. Ф. Одоевского по вопросам, возбужденным министром народного просвещения по делу о церковном пении (19 февраля 1866 года).....	66
<i>Филарет, митрополит Московский</i> . О нотном церковном пении в начальных народных училищах и о правах Придворной капеллы в отношении к оному	80
<i>Н. Ф. Глебов</i> . Несколько слов об изучении церковного пения в духовных училищах.....	86
Общество древнерусского искусства	95
Вступительная статья.....	95
<i>W [В. Ф. Одоевский]</i> . Общество древнерусского искусства	102
Дмитрий Васильевич Разумовский	108
<i>С. В. Смоленский, Д. Ф. Голубинский, Ю. К. Арнольд</i> . Воспоминания о протоиерее Д. В. Разумовском	108
<i>Д. В. Разумовский</i> . Церковно-русское пение (фрагменты)	116
<i>Д. В. Разумовский</i> . Николай Михайлович Потулов и его труды по разработке древнецерковного русского пения	127
Разные голоса	137
<i>П. М. Воротников</i> . Заметки по поводу рассуждений о гармонизации церковно-русской мелодии.....	137

<i>Московский приходский священник. Напоминание московским любителям духовных концертов</i>	142
<i>Г. А. Ларош. О нынешнем состоянии церковной музыки в России</i>	150
II. 1880—1890-е	
Литургия П. И. Чайковского	159
Вступительная статья.....	159
<i>Регент [Д. Н. Соловьев]. Литургия св. Иоанна Златоустого для четырехголосного смешанного хора. Сочинение П. Чайковского. Изд. Юргенсона. Москва</i>	168
<i>Старый московский священнослужитель [Епископ Амвросий (Ключарев ?)]. Духовный концерт в зале Российского Благородного собрания 18 декабря</i>	176
<i>И. С. Аксаков. Москва, 14 февраля [Передовая статья в газете «Русь»]</i>	179
<i>П. И. Чайковский. [Предисловие к первому изданию Всенощного бдения]</i>	186
Общество любителей церковного пения	190
Вступительная статья.....	190
<i>Ю. Н. Мельгунов. Записка о церковной музыке, читанная в заседании Московского Общества любителей церковного пения в мае 1883 года</i>	213
<i>С. И. Танеев. Отзыв о сочинениях, представленных на премию ОЛЦП в 1885 году</i>	221
<i>Василий Федорович Комаров</i>	225
Вступительная статья	225
<i>В. Ф. Комаров. Средства к улучшению церковного пения</i>	232
<i>Петр Дмитриевич Самарин</i>	290
Вступительная статья	290
<i>П. Д. Самарин. Желательно ли и возможно ли дальнейшее существование Общества любителей церковного пения?</i>	293
<i>А. В. Никольский. Памяти П. Д. Самарина</i>	322
<i>А. Г. Страхов. Мысли о церковном пении: По поводу предложения от Общества любителей церковного пения — переложить обиходные напевы для пения хором</i>	328
Разные голоса	341
Вступительная статья.....	341
<i>С. А. Рачинский. Народное искусство и сельская школа</i>	348

<i>С. В. Смоленский</i> . О русском церковном пении: В ответ г-ну Миссаелидесу, протопсалту церкви святой Фотинии в Смирне	361
<i>[Протоиерей А. Н. Иванов]</i> . Попытки к восстановлению древнецерковного пения	371

III. Рубеж веков

Полемика о церковном пении в газете «Московские ведомости» (1899—1903)

Вступительная статья.....	413
1899	421
<i>А. А. Кычигин</i> . Церковное пение в сельских храмах	421
<i>Н. Д. Кашкин</i> . О церковном пении в России	425
1900	428
<i>А. П. Григоров</i> . К вопросу о церковном пении.....	428
<i>А. Т. Гречанинов</i> . Несколько слов о «духе» церковных песнопений	430
<i>А. Т. Гречанинов</i> . Письмо к издателю	435
<i>А. П. Григоров, Г. Г. Урусов</i> . О духе церковного пения (по поводу статьи А. Гречанинова)	436
<i>Священник Митрофан Афонский</i> . К вопросу о духе церковных песнопений	444
<i>А. Т. Гречанинов</i> . По поводу моей статьи «О “духе” церковных песнопений»	447
<i>Г. А. Лафощ</i> . О современных нуждах церковной музыки в России	453
<i>И. Самаров [И. В. Липаев]</i> . Церковное пение	460
<i>С. С-ий [С. В. Смоленский]</i> . Об оздоровлении программ духовных концертов в Москве	464
1901	471
<i>Н. И. Компанейский</i> . О стиле церковных песнопений	471
1902	484
<i>Е. М. Витошинский</i> . Русские духовные композиторы перед судом цензуры	484
<i>В. М. Металлов</i> . О современном состоянии и нуждах церковного пения	489
1903	497
<i>Н. И. Компанейский</i> . Возражение священнику В. М. Металлову.....	497

IV. 1900—1910-е Новое направление

Вступительная статья.....	513
<i>Священник М. А. Лисицын. О новом направлении в русской церковной музыке</i>	525
О церковности духовно-музыкальных сочинений:	
Полемика в журнале «Хоровое и регентское дело» (1909—1910)	562
<i>А. В. Никольский. О «церковности» духовно-музыкальных сочинений: Заметка</i>	562
<i>А. В. Никольский. О «церковности» духовной музыки</i>	564
<i>Е. М. Витошинский. О церковности духовно-музыкальных сочинений</i>	570
<i>А. К[уде]яр. О старом и новом направлениях</i>	574
<i>Н. Ф. Букреев. К вопросу о церковности духовно-музыкальных сочинений</i>	578
<i>В. Беляев. О «церковности» духовной музыки</i>	584
Духовные концерты и их задачи (1909—1913)	597
<i>А. Н-ий [А. В. Никольский]. Духовные концерты и их задачи</i>	597
<i>Ю. И. [Г. Я. Извеков]. Новые задачи православной церковной музыки в России: Внимание композиторов духовной музыки</i>	602
<i>А. Г. М-й [А. Г. Гумай]. По вопросу о новых задачах православной церковной музыки в России</i>	607
<i>Д. В. Аллеманов. К восстановлению церковно-певческой старины: Доклад члена-наблюдателя за частными церковно-певческими хорами в Наблюдательный церковно-певческий совет при Синодальном училище церковного пения в Москве</i>	614
<i>Н. П. Долгушин. Тормозы церковного пения</i>	626
<i>Н. И. Компанейский. Глушение ли над православною верою художественное пение в храме?</i>	634
<i>Н. И. Компанейский. Обязанность консерватории по отношению к русской церковной музыке</i>	639
<i>А. Н-ий [А. В. Никольский]. Один из «больных» вопросов церковного пения</i>	645
<i>Я. А. Богатенко. Воскрешение древности: По поводу последнего концерта Синодального хора</i>	650
<i>А. В. Преображенский. Культурная музыка в России (фрагменты)</i>	656

V. Поместный Собор Русской православной церкви 1917—1918 годов: Материалы о церковном пении

Вступительная статья.....	675
1917 год	
Сентябрь	714
Протокол № 1 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 8 сентября 1917 года.....	714
Докладная записка председателя Подотдела о церковном пении и чтении Е. М. Витошинского в Отдел о богослужении, проповедничестве и храме. 12 сентября 1917 года.....	722
Протокол № 3 заседания Отдела о богослужении, проповедничестве и храме. 12 сентября 1917 года.....	723
Запись к протоколу № 3 заседания Отдела о богослужении, проповедничестве и храме. 12 сентября 1917 года.....	725
Протокол № 2 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 16 сентября 1917 года.....	731
Протокол № 3 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 18 сентября 1917 года.....	738
Доклад члена Поместного Собора священника Л. Е. Иваницкого «Об упорядочении церковного пения».....	741
Протокол № 4 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 21 сентября 1917 года.....	746
Протокол № 5 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 27 сентября 1917 года.....	749
Протокол № 6 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 30 сентября 1917 года.....	750
Доклад члена Поместного Собора П. Т. Кладинова «Краткий очерк участия Придворной капеллы в обработке церковных мелодий».....	751
Октябрь	758
Заявление Исполнительного центрального комитета Всероссийского съезда хоровых деятелей в Подотдел о церковном пении Всероссийского Поместного Собора. 4 октября 1917 года.....	758
Протокол № 7 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 4 октября 1917 года.....	759
Протокол № 8 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 8 октября 1917 года.....	760
Протокол № 9 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 10 октября 1917 года.....	763

Запись к протоколу № 9 заседания Отдела о богослужении, проповедничестве и храме. 12 октября 1917 года	765
Протокол № 10 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 14 октября 1917 года	767
Протокол № 11 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 16 октября 1917 года	768
Протокол № 12 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 18 октября 1917 года	771
Протокол № 13 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 23 октября 1917 года	772
Протокол № 14 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 25 октября 1917 года	773
Протокол № 15 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 26 октября 1917 года	774
Ноябрь	775
Первая редакция проекта резолюций об осмогласии и партесном пении. 7 ноября 1917 года	775
Протокол № 16 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 8 ноября 1917 года.....	778
Доклад члена Поместного Собора Г. А. Ольховского «Об общенародном пении в богослужении»	781
Протокол № 17 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 11 ноября 1917 года.....	788
Доклад диакона В. П. Богословского «Перспективы церковного пения в будущем».....	790
Письмо председателя Отдела о богослужении, проповедничестве и храме архиепископа Вольнского и Житомирского Евлогия председателю Наблюдательного совета при Синодальном училище церковного пения А. Д. Кастальскому. 15 ноября 1917 года.....	797
Вторая редакция проекта резолюций об осмогласии и партесном пении, составленная Подотделом о церковном пении и чтении. Ноябрь 1917 года	798
Ходатайство правления Общества регентов в Петрограде Всероссийскому Церковному Собору о сопричислении регента к церковному клиру. 16 ноября 1917 года	801
Протокол № 18 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 18 ноября 1917 года.....	803
Редакционные поправки протоиерея В. М. Металлова в проекте резолюций об осмогласии и партесном пении. 22 ноября 1917 года.....	805

Протокол № 19 заседания Подотдела о церковном пении и чтении. 25 ноября 1917 года.....	806
Протоколы № 20, 21, 22 заседаний Подотдела о церковном пении и чтении. 27 и 29 ноября, 2 декабря 1917 года.....	807
Декабрь	808
Протокол № 1 соединенного заседания членов Подотдела о церковном пении и чтении Поместного Собора и Наблюдательного совета при Московском Синодальном училище церковного пения по вопросу об употреблении органа за православным богослужением. 8 декабря 1917 года	808
1918 год	
Январь	817
Заявление председателя Подотдела о церковном пении и чтении Е. М. Витошинского в Отдел о богослужении, проповедничестве и храме. 25 января 1918 года	817
Февраль	818
Протокол № 2 соединенного заседания членов Подотдела о церковном пении и чтении Поместного Собора и Наблюдательного совета при Московском Синодальном училище церковного пения. 16 февраля / 1 марта 1918 года	818
Докладная записка председателя Подотдела о церковном пении и чтении Е. М. Витошинского в Отдел о богослужении, проповедничестве и храме. 25 февраля / 10 марта 1918 года.....	819
Март	822
Запись к протоколу № 26 заседания Отдела о богослужении, проповедничестве и храме. 2/15 марта 1918 года.....	822
Протокол № 27 заседания Отдела о богослужении, проповедничестве и храме. 6/19 марта 1918 года.....	826
Запись к протоколу № 27 заседания Отдела о богослужении, проповедничестве и храме. 6/19 марта 1918 года.....	828
Выписка из протокола Соборного Совета за № 73, ст. 9. 13/26 марта 1918 года.....	837
Протокол № 29 заседания Отдела о богослужении, проповедничестве и храме. 13/26 марта 1918 года	838
Протокол № 31 заседания Отдела о богослужении, проповедничестве и храме. 16/29 марта 1918 года	842
Запись к протоколу № 31 заседания Отдела о богослужении, проповедничестве и храме. 16/29 марта 1918 года	846
Протокол № 32 заседания Отдела о богослужении, проповедничестве и храме. 19 марта / 1 апреля 1918 года	850

Запись к протоколу № 32 заседания Отдела о богослужении, проповедничестве и храме. 19 марта / 1 апреля 1918 года	853
Выписка из протокола Соборного Совета за № 75, ст. 1. 19—20 марта / 1—2 апреля 1918 года	858
Протокол № 34 заседания Отдела о богослужении, проповедничестве и храме. 26 марта / 8 апреля 1918 года	859
Разделы проекта резолюций в редакции Подотдела, не рассмотренные Отделом о богослужении, проповедничестве и храме	863
Апрель	868
Протокол № 38 заседания Отдела о богослужении, проповедничестве и храме. 3/16 апреля 1918 года	868
Доклад Отдела о богослужении, проповедничестве и храме «Об упорядочении церковного пения» Священному Собору.....	874
Август	883
Выписка из протокола заседания № 163 Священного Собора. 30 августа/12 сентября 1918 года	883
Сентябрь	884
Выписка из протокола заседания № 170 Священного Собора. 7/20 сентября 1918 года	884
Аннотированный список членов Поместного Собора и приглашенных лиц, выступавших по вопросам церковного пения на соборных заседаниях и принимавших участие в выработке резолюций по церковному пению	886
Именной указатель	893

Вступительная статья

Настоящий, третий, том серии «Русская духовная музыка в документах и материалах» посвящен церковно-певческой жизни в период с начала 1860-х по 1918 год. Под «жизнью» здесь понимается не только практика (исполнительство и творчество), но и наука, критика и разного рода исследовательская и организаторская деятельность в данной области. В центре тома — Москва, хотя, конечно же, очень часто затрагиваются вопросы, касающиеся не только Москвы, но и всей России, особенно России провинциальной, тяготевшей к древней столице как к исконному центру церковной культуры, в том числе певческой.

Выбор данного хронологического отрезка нуждается в обосновании. Может быть поставлен вопрос: почему том начинается только с пореформенного десятилетия, а не с начала столетия или даже почему не рассматривается церковно-певческая культура Нового времени в целом. Безусловно, эти темы тоже очень важны, но культура XVIII столетия имеет весьма яркую специфику и своих преданных исследователей; что же касается первой половины XIX века, то в это время в области церковно-певческого искусства явно лидировала петербургская Придворная певческая капелла и связанные с нею деятели — центр стал смещаться в сторону Москвы несколько позже, примерно с эпохи, которая образует нижнюю хронологическую границу этой книги, — а «петербургская проблематика», опять-таки, нуждается в отдельном исследовании.

Данный том возник как естественное продолжение первых двух томов серии, посвященных Синодальному училищу церковного пения и Синодальному хору, в большой мере периоду с середины 1880-х по 1918 год — «золотому веку» русской духовной музыки. При работе над этими материалами не раз возникал вопрос о предпосылках расцвета Синодального хора и того явления, которое сейчас уже привычно именуется Новым направлением в русской духовной музыке (впрочем, привычность термина здесь вовсе не соответствует изученности явления: пока оно воспринимается скорее в общих чертах или в индивидуальных творческих проявлениях только крупнейших его представителей — Кастальского, Рахманинова, Гречанинова, Чеснокова). Ясно было, что не случайно местом зарождения и развития но-

вой — глубоко национальной — духовной музыки стала Москва и что дело тут не просто в талантах и усердии тех деятелей, которые начали реформы в Синодальном училище и хоре. Уже в материалах первых томов возникали мимоходом важные темы, относящиеся к предшествующей эпохе; кроме того, сосредоточенность на училище и хоре не позволяла в нужной мере осветить хронологически параллельные явления, да и само Новое направление было представлено скорее отдельными персоналиями, чем эстетическими принципами.

Представление, что развитие русской духовной музыки во второй половине XIX века плохо документировано, ошибочно, но выявить нужные материалы в ряде случаев оказывалось нелегким делом, несмотря на существование ряда ценных библиографических пособий (прежде всего Т. Н. Ливановой, В. В. Протопопова, Е. М. Левашева). Одна из причин — многолетняя запущенность данной области исторического знания: ведь не только в советский период, но и в последние полтора десятилетия духовная музыка Нового времени если и изучалась, то почти исключительно «по персоналиям» и редко — по сути происходивших в ней процессов. В дореволюционной историографии обобщающие труды, конечно, были, однако за прошедшие десятилетия (или даже целое столетие и более) точка зрения на многие явления должна была измениться. Правда, существует вышедшая в США в 1978—1982 годах книга И. А. Гарднера «Богослужбное пение Русской Православной Церкви» — замечательное исследование, автор которого, однако, не по своей воле был лишен возможности работать с архивами и дореволюционной периодикой, да и вообще ставил перед собой другие задачи, рассматривая многие вопросы преимущественно с точки зрения соответствия того или иного певческого стиля богослужбным целям.

Так или иначе, выявленные материалы, выстраиваясь в смысловые ряды, начали создавать картину, меняющую обычные представления о «застое» в духовно-музыкальной жизни XIX века, в период после Бортнянского и Турчанинова и до Литургии св. Иоанна Златоустого Чайковского, до духовно-музыкальных сочинений и переложений Римского-Корсакова или до зарождения Нового направления. По ходу работы над томом стало понятно также, что в периоде, предшествующем Новому направлению, особый интерес представляют не только «композиторские» или «исполнительские» достижения (их было не так много) и даже не только труды ученых (при несомненном их значении: избранный период — это время расцвета отечественной науки), а то, что можно назвать идеологическими движениями. Такого рода движения — в их письменном, печатном выражении — могут быть представлены очень крупными именами, а могут проявляться в гораздо менее заметных публикациях, в газетной и журнальной полемике, а кроме того, нередко могут «озвучиваться» вовсе не музыкантами и даже не деятелями в собственно церковно-певческой области.

Здесь выступает в полной мере особое положение церковного пения, которое, являясь, разумеется, искусством — и искусством самым высоким, — в то же время в гораздо большей степени, чем любой другой тип музыкального творчества, связано с массой различных обстоятельств.

Церковное пение нередко сравнивали — и сравнивают — с традиционным крестьянским певческим искусством, особенно обрядовых жанров. Сходство есть, однако нельзя и забывать, что церковная жизнь и церковное искусство, в отличие от фольклора, были (и остаются) неразрывно связанными с жизнью государственной. Это совершенно очевидно в областях храмоостроения, монументальной живописи и иконописи, но в не меньшей мере это касается и пения. В первой половине XIX столетия указы, регулирующие церковное пение, издавались непосредственно за подписью государей — Павла I и Николая I; во второй половине столетия такого, правда, не случалось и функции государственного администрирования в этой области осуществлял главным образом Св. Синод. Но так или иначе очень многое в судьбах церковного пения оказывалось связанным с событиями государственной жизни. Например, крестьянская реформа, вызвавшая умственный подъем во многих сферах общественной жизни, непосредственно отразилась на пробуждении большого интереса к древним устоям русской жизни, и церковное пение (часто — вместе с традиционной крестьянской песенностью) занимало среди них не последнее место: именно в это время появляются работы Д. В. Разумовского, В. Ф. Одоевского, Н. М. Потулова, полные отнюдь не только историографического или художественного смысла, — речь шла о выборе Россией пути своего дальнейшего развития. Патриотические настроения второй половины 1870-х, связанные с русско-турецкой войной, тоже не прошли бесследно для церковного пения: неслучайно в это время появляется первое духовное произведение Чайковского и возникает первое в стране Общество любителей церковного пения. Начало царствования Александра III вызвало определенные изменения и в данной области: не говоря уже о том, что почти сразу же новые деятели «русского направления» становятся во главе Капеллы, а несколько позже и Синодального училища и хора, большое значение начинает придаваться вопросам народного образования, в том числе церковно-приходским и сельским школам, а отсюда — вопросам обучения церковному пению как крестьянских и городских детей, так и тех, кто должен был преподавать им, — учителей, членов церковного причта. Потребности времени заставляют задумываться о реформе духовного образования, в том числе о новых программах обучения церковному пению. После 1905 года открыто начинают звучать голоса представителей до того хранивших молчание «сословий»: регентов, учителей, церковных певцов, простых прихожан, наконец, старообрядцев. Одновременно, в связи с оживлением духовных исканий интеллигенции, она тоже начинает

обращать внимание на проблемы церкви, и в частности духовного пения. Подобный перечень можно продолжить.

Не требует доказательств, что церковное пение есть неотъемлемая часть богослужения и, естественно, во многом зависит от всех сторон церковной жизни. Материалы данного тома показывают, например, как отражались на состоянии пения перемены, происходившие в программах церковных учебных заведений, в составе причта; как позиция того или иного иерарха могла сказываться на церковно-певческой жизни его епархии; как деятельность одного ректора духовной семинарии или даже просто сельского батюшки могла оказывать благотворное (или, напротив, пагубное) влияние на пение в данной семинарии или в данном приходе. И закономерно, что целый ряд материалов настоящего тома принадлежит деятелям церкви: от митрополита Московского до провинциальных городских и сельских священников; представлены в томе и другие члены причта. Не менее закономерно, что наряду с учеными и критиками, чьи имена составляют славу русской науки и искусства, в томе много материалов, принадлежащих людям, почти или вовсе не известным: ведь именно церковное пение являлось самым доступным всем русским людям видом музыкального искусства, и у него всегда были страстные «любители» и «знатоки» из всех слоев общества — от князя-рюриковича Владимира Одоевского и главы московского славянофильства Ивана Аксакова до купцов и мещан. Мы стремились к тому, чтобы материалы настоящего тома отражали «всесословность» церковного пения как дела общенационального. Именно совокупность «голосов»-мнений дает представление о значении самого феномена церковного пения в русской жизни, и это значение выходит далеко за пределы собственно эстетической, или воспитательно-нравственной, или внутрицерковной проблематики.

Очень много сказано о значении традиционного фольклора для формирования национальной школы во всех видах искусства. Публикуемые материалы показывают, что восстановленное во всей полноте на своих исконных основах церковное искусство должно было сыграть не меньшую — если не большую — роль для будущего русского творчества как доступная всем и одновременно прекрасная, стройная и, что очень важно, издревле письменно фиксированная система национального интонационного мышления. Именно образ России, поющей «единем усты и единем сердцем», заставлял обращаться к вопросам церковного пения людей изысканной, энциклопедической культуры, каковыми были В. Ф. Одоевский и С. В. Смоленский, С. А. Рачинский и П. Д. Самарин, И. С. Аксаков и К. П. Победоносцев. Через все столетие, начиная с «проекта Бортнянского» и опытов Глинки, проходят попытки тем или иным образом «реформировать», «очистить» церковное пение с целью приблизить его к чаемому идеалу. Надо заметить, что композиторское творчество тут играло заметную и важную роль, но все же роль не первостепенную.

В свете данной идеи понятна и настойчивость, с которой предпринимались попытки «унифицировать» формы церковного пения, а также появление на государственном и частном уровнях разных проектов по просвещению в этой области народа. Известно, что унификацией пения особенно ревностно занималась Придворная капелла под руководством А. Ф. Львова, выпустившая к середине столетия свою гармонизацию певческого богослужебного Круга, которая государственными постановлениями была предписана как обязательная для всей России. Но появление этого труда, а также капелльских гармонизаций традиционных роспевов вызвало сопротивление, в частности у московских знатоков во главе с самим митрополитом Московским Филаретом, крупнейшим духовным авторитетом страны на протяжении почти полувека. В противовес «придворному» Обиходу они выдвигали одноголосные певческие книги синодального издания, а поскольку храмовое пение той эпохи все же в подавляющем большинстве случаев не могло быть одноголосным (хотя, как показывают материалы тома, целым рядом деятелей именно унисонное пение рассматривалось как основа будущего процветания), — через весь век проходят попытки обрести «самый верный» способ гармонизации древних напевов. Довольно долго, от Глинки до Чайковского (а в ряде случаев и позже), они связывались с так называемым «строгим стилем» — в разных толкованиях, начиная с Н. М. Потулова с его почти «неразбавленными» чистыми трезвучиями и кончая Г. А. Ларошем, ратовавшим за богатую полифоническую технику старых европейских мастеров. Однако к середине 1880-х годов сложилась и другая точка зрения, которую можно условно назвать «фольклористической» и в соответствии с которой во главу угла ставилась не книжность, а устная народная (в том числе монастырская, крестьянская, старообрядческая, единоверческая) исполнительская практика. Эта концепция, впервые отчетливо выраженная деятелями московского Общества любителей церковного пения, в особенности Ю. Н. Мельгуновым, В. Ф. Комаровым, П. Д. Самариним (показательно между прочим, что если первый из них был образованным музыкантом и фольклористом, то Комаров — преподавателем математики в духовной семинарии, а Самарин — историком), оказалась весьма перспективной и для вскоре возникшего Нового направления.

В эпоху Нового направления начало разрешаться и характерное для предшествующего времени противоречие между «ученой», «консерваторской» музыкой и исторически и стихийно складывавшимися традициями клироса: среди материалов тома найдется немало «филиппик» в адрес «консерватории», причем если некоторые из них запечатлели раздражение «знатоков» по поводу вмешательства извне в их заповедную область, то другие принадлежат вполне просвещенным людям, которые ясно видели недостаточность обычного музыкального образования для разрешения проблем церковно-певческой археологии и практики. Как ни много было сде-

лано сначала Д. В. Разумовским, а затем его преемником С. В. Смоленским на единственной в России кафедре истории церковного пения Московской консерватории, — этого явно оказывалось недостаточно. Выращивание Синодального училища в Академию церковной музыки с особыми программами и планами могло отчасти разрешить данное противоречие (остающееся в определенной степени актуальным и в наши дни), а, например, по мысли Н. И. Компанейского, специальные расширенные курсы истории, теории и исполнения церковного пения следовало ввести и в консерватории.

В отличие от первого тома серии, где композиционный принцип связан с персоналией, с фигурами крупных деятелей, и от второго тома, где последовательно освещаются разные аспекты истории и деятельности Синодального училища и хора, — в третьем томе был установлен принцип хронологический. Именно такой принцип позволил выстроить панорамы разных периодов, хотя при этом, разумеется, осталась некоторая неравномерность в освещении разных вопросов. Следует подчеркнуть, что задача полного представления тех или иных деятелей нами не ставилась. Безусловно, необходимо издать собрания работ по церковному пению таких выдающихся ученых, как Разумовский, Одоевский, Смоленский и другие, необходим специальный сборник (и, наверное, не один) по теории и эстетике Нового направления, быть может, какие-то хрестоматии работ по церковному пению, — но не в этом заключалась задача настоящего тома. Его цель — *представление основных тенденций церковно-певческой жизни и их идеологического осмысления в России второй половины XIX и начала XX столетия, с упором на Москву как центр традиционной культуры.*

В сущности, хотя в разных материалах упоминаются многие композиторские имена и даются оценки тех или иных сочинений, как автор в томе представлен только П. И. Чайковский, и не в полном объеме его духовно-музыкального творчества, а только в виде Литургии св. Иоанна Златоустого, соч. 41 — первого в истории России духовно-музыкального цикла, исполненного в открытом светском концерте и вызвавшего весьма острую дискуссию, как по поводу его музыкального содержания, так и — еще больше — по поводу самой возможности и закономерности подобных явлений. Раздел «Литургия Чайковского», включающий в себя основные материалы дискуссии об этом сочинении (в том числе и ответ автора критикам), открывает вторую часть тома, посвященную 1880—1890-м годам.

Первая часть состоит из массы разнородных материалов. В ней представлены персонально главные деятели периода — В. Ф. Одоевский (три его работы последних лет жизни, посвященные текущим проблемам церковного пения), Д. В. Разумовский (в воспоминаниях о нем и в его выступлениях на Первом Археологическом съезде в Москве), а также их сотрудник Н. М. Потулов и столь примечательное явление эпохи, как созданное в Москве при

активном участии Одоевского Общества древнерусского искусства (очерк о его деятельности и «инаугурационная» статья, написанная Одоевским вместе с Ф. И. Буслаевым). Представлены и другие деятели эпохи: прежде всего, митрополит Московский Филарет (Дроздов), оказавший самое решительное и благотворное влияние на сохранение певческих традиций в древней столице; композитор духовной музыки и педагог П. М. Воротников, «светский» критик Г. А. Ларош (к этому времени относятся его первые выступления в печати по данной проблематике), провинциальный священник Н. Ф. Глебов, полемизирующий с концепцией школьного певческого образования, выдвинутой Одоевским, и безвестный автор журнальной публикации, укрывшийся под псевдонимом «Московский приходский священник» и выразивший исключительно интересные мысли относительно практики духовных концертов и вообще развития духовной музыки (судя по другим материалам, эта статья в свое время привлекла большой общественный интерес).

Во вторую часть тома, «1880—1890-е годы», кроме раздела, посвященного Литургии Чайковского, помещены масштабные материалы Общества любителей церковного пения (ОЛЦП) — глубоко московского по характеру учреждения, возникшего в самом начале 1880-х, объединившего любителей из разных сословий и действовавшего (с разной степенью активности) на протяжении около трех десятилетий. В разделе, посвященном этому Обществу, представлены тексты его членов: выступление на одном из собраний известного фольклориста Ю. Н. Мельгунова, великолепная (и совершенно несправедливо забытая) работа одного из главных деятелей ОЛЦП В. Ф. Комарова и очерк истории и задач Общества, написанный его многолетним членом (а также членом Наблюдательного совета при Синодальном училище) П. Д. Самариным. Здесь же публикуются тексты А. В. Никольского (некролог П. Д. Самарина), С. И. Танеева (отзыв о переложениях, присланных на конкурс ОЛЦП), а также, как бы в приложение к материалам Общества, статья московского «любителя» А. Г. Страхова (одного из убежденных ревнителей унисонного пения).

Последний раздел этой части тома включает в себя забытую работу С. В. Смоленского — его ответ греческому протопсалту на вопросы последнего о связях греческого и русского пения. Рядом помещена статья близкого друга Смоленского, замечательного ученого и педагога С. А. Рачинского «Народное искусство и сельская школа»: мысли Рачинского в свое время оказали большое влияние на целый ряд деятелей (начиная с самого Смоленского, для которого общение с Рачинским во многом определило выбор жизненного пути). Завершается часть весьма пространством обзором тульского протоиерея А. Н. Иванова, опубликованным в местных епархиальных ведомостях и затрагивающим массу непосредственно практических (а также и

некоторых теоретических) вопросов церковного пения, которые были актуальными для данного периода, в том числе и деятельность Общества любителей церковного пения.

Третья часть тома посвящена весьма интересной полемике, проходившей на страницах газеты «Московские ведомости» (и некоторых других изданий) в 1899—1903 годах, в начальном периоде Нового направления, с участием видных инициаторов движения (С. В. Смоленский, А. Т. Гречанинов, Н. И. Компанейский), известных критиков (Г. А. Ларош, Н. Д. Кашкин), а также представителей духовенства и московской «любительской» среды. В рамках этой дискуссии были напечатаны по крайней мере два выдающихся материала — статьи Смоленского «Об оздоровлении программ духовных концертов в Москве» и Компанейского «О стиле церковных песнопений», но с определенной точки зрения не меньший интерес представляют и оппонировавшие им выступления.

Если третья часть отражает ситуацию рубежа веков, то материалы четвертой части, «1900—1910-е годы», показывают движение идей в следующем столетии. Тема Нового направления здесь явно выходит на первый план, и потому заглавной в разделе является большая работа о. М. А. Лищицына, которая так и называется — «О новом направлении в русской церковной музыке». С новыми тенденциями связаны и дискуссионные материалы журнала «Хоровое и регентское дело» — полемика по вопросам «церковности» духовно-музыкальных сочинений, инициированная А. В. Никольским, и обсуждение вопросов «концертного» духовного пения, тоже начатое Никольским и продолженное в материалах Г. Я. Извекова и автора из новгородского журнала «Гусельки яровчатые», выступившего под псевдонимом А. М-й. В дополнение к этому корпусу публикуется подборка материалов разных авторов, рассуждающих на разные темы: интересный доклад Наблюдательному совету Синодального училища Д. В. Аллеманова «К восстановлению церковно-певческой старины», статья из «Русской музыкальной газеты» провинциального учителя и регента Н. В. Долгушина об основных недостатках современного ему клироса, две заметки Н. И. Компанейского — о художественности церковного пения и о необходимости консерваторского образования в области духовной музыки, еще одна заметка А. В. Никольского о некоторых несообразностях в клиросной певческой практике. И наконец, представлен голос старообрядчества, только после 1905 года получившего возможность публичных высказываний по церковным вопросам, — появившаяся в старообрядческой печати прекрасная статья иконописца, регента и исследователя Я. А. Богатенко об абсолютной вершине русской духовной музыки — Всенощной С. В. Рахманинова. Эпилог части, посвящен-

ной Новому направлению, составляют фрагменты из хронологически поздней работы по церковному пению А. В. Преображенского, увидевшей свет в 1924 году.

В последнем разделе тома впервые осуществлена полная публикация документов Поместного Собора Русской Православной Церкви 1917—1918 годов, посвященных церковному пению. В их числе протоколы заседаний Отдела о богослужении, проповедничестве и храме и Подотдела о церковном пении и чтении, прочитанные на Соборе доклады, замечания и предложения сторонних рецензентов по проекту соборных резолюций о церковном пении. Весь корпус материалов дает возможность проследить ход дискуссий и познакомиться со взглядами представителей разных губерний и сословий, специалистов и неспециалистов, духовных лиц и мирян, каждый из которых стремился внести свой вклад в выработку законоположений по вопросам церковного пения, обеспечив ему процветание на долгие годы. К сожалению, постановления по церковному пению Собор так и не успел принять, хотя проект резолюций был подготовлен. Долгие десятилетия этот важный документ, во многом актуальный и в наши дни, лежал в архиве. Что касается членов Собора, принимавших участие в его разработке, то многим из них в ближайшие годы было суждено испытать горечь эмиграции или гонений на родине, надеть терновый венец новомучеников. Материалы данного раздела воскрешают не только забытые документы и имена, но и дух соборных заседаний, проникнутых любовью собравшихся к церковному пению и искренней горячей верой в наступление для России лучших времен.

На наш взгляд, материалы тома, и последних его разделов в особенности, представляют самый живой интерес для всех, кто ныне трудится в области церковно-певческого исполнительства и образования, а также науки о церковном пении, поскольку, ввиду известных исторических обстоятельств, острые вопросы предреволюционного периода не были разрешены, и при нынешнем возрождении церковной жизни в России многие из этих вопросов вновь встают в полный рост.

Третий том органически связан с первыми двумя томами серии «Русская духовная музыка в документах и материалах», и потому в нем часто встречаются отсылки на эти тома (в частности, мы не повторяем подробно сведения об авторах тех или иных текстов, если они были даны в других томах). Принцип расположения частей и разделов, как уже говорилось, хронологический, а внутри них — и по хронологии, и по значению каждого материала. Сведения о публикуемом тексте и его авторе, а также комментарии обычно (но не всегда) даются после текста; всем частям и разделам предпосланы специальные вступительные статьи. Тексты публикуются по современным правилам, но по возможности сохраняются стилистические особенности подлинника.

Публикация документов и материалов Поместного Собора выполнена по архивным первоисточникам, хранящимся в Государственном архиве Российской Федерации (ф. 3431). Незначительному редактированию, направленному на прояснение смысла, подверглись стенограммы заседаний: выступления зачастую записывали люди, не являвшиеся специалистами в области церковного пения. Вставки публикатора приводятся в квадратных скобках; ошибки в датах и написании имен безоговорочно исправляются.

И еще одно предупреждение. В материалах третьего тома иногда затрагиваются специальные вопросы из области медиевистики; ввиду большого объема издания и, главное, смысла всего тома мы не считали нужным сопоставлять мнения авторов, нередко устаревшие, с современными толкованиями данных вопросов: профессионалы в данной области легко смогут это сделать сами.

I. 1860 – 1870-e

Вступительная статья

В первую часть настоящего тома вошли разнообразные материалы, ограниченные указанной эпохой. Безусловно, первое место среди них — в том числе количественно — занимают тексты князя В. Ф. Одоевского, затем — его ближайшего сотрудника протоиерея Д. В. Разумовского, а также связанного с ними обоими Н. М. Потулова. Поскольку же то новое, что происходило в церковно-певческом мире Москвы вплоть до конца 1860-х годов, происходило с ведома и разрешения митрополита Московского Филарета, то и он представлен в этой части, как принадлежащим собственно ему текстом, так и «отголосками» его суждений в текстах других авторов. Плодом усиленного интереса к отечественной церковной древности, характерного для Москвы этого времени, стало возникновение соответствующих общественных организаций, и в их числе Общества древнерусского искусства, где достаточно сильна была «музыкальная», или, точнее, «музыкально-археологическая секция», — это тоже отражено в составе части, как и работа Первого Археологического съезда 1869 года, где церковное пение было представлено докладами В. Ф. Одоевского (посмертно), Д. В. Разумовского, П. М. Воротникова. К этому идеологически, можно сказать, слитному кругу примыкает статья молодого Г. А. Лароша «О нынешнем состоянии церковной музыки в России». Наконец, в разделе помещены еще две статьи авторов, не связанных с очерченной выше средой (рязанского священника Н. Ф. Глебова и «Московского приходского священника»), но поднимающих интересные и не затронутые в других текстах темы — певческого образования в духовных учебных заведениях и духовных концертов.

Главными для данного периода, несомненно, являются три фигуры: Одоевский, Разумовский и Потулов (последний только в практической области), а среди них — Владимир Федорович Одоевский. Конкретнее о его деятельности пойдет речь далее, а пока подчеркнем, что именно с переездом Одоевского в Москву в 1862 году здесь сложился и кружок единомысленных деятелей, и, постепенно, заинтересованная в их действиях среда, что, в свою очередь, создало предпосылки для дальнейшего развития научной мысли и практики — вплоть до конца века. Подобное утверждение вовсе не умаляет высокого

значения собственно научной деятельности Дмитрия Васильевича Разумовского, но именно Одоевский в ту эпоху был лидером нового движения, зародившегося в Москве. Наилучшую характеристику «умственного возбуждения» в области церковного пения, которое возникло в древней столице с появлением там Одоевского, мы находим в очерке близкого ему деятеля П. А. Бессонова — очерке, написанном в 1872 году, в преддверии празднования 200-летия со дня рождения Петра Первого, и в некоторых своих фрагментах представляющего воспоминания о недавнем прошедшем.

После митрополита Евгения, Сахарова и Ундольского, — пишет Бессонов, — мы должны здесь назвать тех деятелей, которым всего более обязана эта наука [наука о церковном пении] в наши дни: кн. В. Ф. Одоевского, протоиерея Дм. В. Разумовского и Н. М. Потулова. Первый, старший по времени и заслугам, первый же решился оставить путь предшественников, исключительно державшихся библиографии или одного литературного подбора исторических данных, и прежде своих сверстников обратился к живому исследованию самой музыки, скрытой под древними знаками или в свидетельстве уцелевших памятников: близкое знакомство с музыкою западной и тамошнею церковной, обладание средствами вокальными и инструментальными (голосов и орудий), общая высокая образованность, живость воображения и смелость догадки, теплота души впечатлительной и легко воспринимающей, наконец, постоянный интерес к сравнению с основами музыки народно-мирской — все это дало ему возможность оценить по достоинству типы нашего пения церковного, до известной степени воспроизводить их в примерах увлекательного исполнения, намечать особенности и указывать своеобразные отличия. Какого-нибудь цельного произведения науки или музыки из этой области он нам не оставил и не мог создать как предводитель-энциклопедист, но он составил целую библиотеку, или музей классических памятников сего рода, целую массу разбросанных при этом заметок и целый круг живых деятелей, им одушевлявшихся, от него поучавшихся.

В связи с ним, но с первых же шагов путем строгой специальной науки шел Дм. В. Разумовский и успел даже отпечатать вполне труд свой (сперва в Чтениях Общества любителей духовного просвещения, потом особою книгой «Церковное пение в России», 1867—1869); расшифровал исторический ряд музыкальных знаков начиная с самых древнейших, в оттиснутых образцах сопоставил их и сличил с нотой «церковной» и общеупотребительной, фактически осветил ими смысл памятников и всех свидетельских показаний; развернул их перед нами как одну книгу, чтобы читать по ней, и понимать, и петь, и воспроизводить вслух за всю историческую нашу древность, как будто мы еще теперь живем в ней, как будто никогда она не смолкала. Только разве современники, быть может из уважения к личным отношениям, в состоянии молчать об этом труде, зато при нем никогда уже, скажем навверное, не смолкнет самобытное пение в Русской церкви. А чтоб оно на практике тотчас же воспользовалось уроками старины своей, на это положил всю силу своего практического музыкального таланта Н. М. Потулов: как практик по преимуществу, следуя направлению обратному сравнительно с Разумовским, он сошелся с последним в точках приложения основных начал к современной действительности. Сроднившись

со всею вокальною сферою блестящей музыки западной и сам некогда действуя в ней исполнителем, он весь этот блеск, и гром, и раннее увлечение принес в жертву тому строгому и серьезному типу, который встретил на пути любопытствующего знакомства в нотных церковных книгах, доселе действующих на практике, по синодским изданиям. Когда же за ними трудом ученых вскрылся выше и глубже целый мир пения основного и древнейшего, к которому примыкают они как звено последнее, Потулов уже не безотчетно предался им, напротив, поверяя и дополняя их первичными образцами, с другой стороны уловил тайну применения их к теперешнему употреблению, более широкому согласно с развившимися требованиями нынешнего искусства, хотя бы самого взыскательного, хотя бы перед судом общеевропейской музыки.

Всем памятен тот год, когда в приходской церкви протоиерея Разумовского с благословения митрополита Филарета и — прибавим — с одобрения присутствовавшего кн. Одоевского хором синодальных московских певчих, при разучении и управлении Потулова, исполнены были песнопения в целом ряде последовательных церковных служб, пред многочисленными, удивленными и умиленными слушателями. То были песнопения собственно те же, какие читаем мы в издании Синода, но в их исполнении мы с отрядным изумлением встречали уже сочетавшийся дух отдаленной древности с условиями текущей нашей минуты. Образцы эти оценил строгий ум и высокий дар почившего московского иерарха в его домовой церкви; православное чувство встречало их неподдельными слезами самого простонародья при повторении в Успенском соборе. С тех пор мы еще, слава Богу, не лишены права хоть по временам, хоть Великим постом горячо молиться их душою, словами и звуками; с тех пор в Москве, больше и больше расширяясь по кругам певческим, навсегда остались известны и чтимы так называемые «переложения потуловские», или, правильнее, подлинные образцы нашего храмового пения в условной их гармонизации, какая только законна и возможна по своеобразным особенностям нашей старины. Можно сказать: Филарет благословил, Одоевский напутствовал, Разумовский ввел нас в науку, Потулов продолжает руководить на пути исполнительского искусства. (...)

Наконец, благодаря содействию Московского Общества древнерусского искусства мы ожидаем с нетерпением получить скоро в печати и заключительные плоды этого рода деятельности в простейшей, но вполне современной уже грамоте нотной, в первоначальном, но столь нужном для нас практическом руководстве, в доступных примерах, равно ручающихся и за подлинность, и за достоинство в нынешнем исполнении. С тем вместе падут, конечно, те фальшивые произведения, основанные на музыке западной, частнее — немецкой и итальянской, которых начало некогда занесено к нам через посредство Польши и которых прискорбные, хотя и сладкие испорченному уху последствия приходится вкушать нам доселе в кочевых певческих хорах русских, особенно московских, к глубокому огорчению всех истинно православных и образованных людей*.

---

* Бессонов П. А. Знаменательные года и знаменитейшие представители последних двух веков в истории церковного русского пения // Православное обозрение, 1872, № 1. Цит. по отд. отт., с. 2—4.

Последняя надежда не оправдалась: ни ученые изыскания, ни переложения Потулова, ни проекты Общества древнерусского искусства не стали панацеей от бед церковного пения, и «прискорбные плоды» «фальшивого» направления еще долго давали о себе знать. Однако значение новых деятелей Бессоновым охарактеризовано хоть и с горячим увлечением (в заключении очерка автор даже уподобляет своих современников известным историческим лицам прошлого: Одоевского — изобретателю киноарных помет Ивану Шайдурову, Разумовского — автору «Известия о степеннейших поме-тах» старцу Александру Мезенцу, а Потулова — автору «Ключа разумения» Тихону Макарьевскому), но в общем совершенно точно.

Поскольку же очерк Бессонова носит, как уже отмечалось, итоговый характер по отношению к целому периоду (относительно недолгому, но динамичному), то вполне закономерна и его главная тема — в сущности, не столько 200-летие Петра Первого, сколько 100-летие выхода в свет четырех певческих книг на квадратной ноте синодального издания — 1772 год. Именно эта дата для историка является коренной в истории русского церковного пения, и вообще — русской культуры, и, говоря о значении этого события, он приводит именно те слова Одоевского из его статьи «О пении в приходских церквях», без которых потом не обходился, кажется, ни один серьезный труд на данную тему: «Таким образом, мы имеем то, чем не может похвалиться ни один из европейских народов: священное песнопение в том самом виде, в каком употребляли его наши предки по крайней мере за 700 лет»^{*}.

Конечно, как Бессонов, так и в еще большей степени Одоевский и Разумовский понимали, что упомянутые нотные книги зафиксировали, притом не всегда точно, лишь небольшую часть того богатства, какое представляло собой певческое наследие Древней Руси. Изучение крюковой азбуки, разыскание и расшифровка знаменных рукописей (в том числе многоголосных), поиск возможностей публикации таких источников — постоянные темы их ученых занятий. Но в области практической они упорно выдвигали на первый план певчие книги 1772 года — как самый доступный и готовый к использованию источник (для надолго пережившего своих соратников Разумовского эти книги остались главной темой исследований до конца дней: им в основном посвящена последняя книга о. Димитрия, вышедшая в 1886 году, — «Богослужбное пение Православной Греко-российской церкви», и последним делом, которым он занимался, стало исправление синодальных нотных книг для очередного их переиздания). Отсюда, прежде всего, высокая оценка Одоевским, Разумовским и их единомышленниками выполненных точно по напевам из этих книг переложений Н. М. Потулова — которые, как показало будущее, оказались, несмотря на превосходные намерения автора,

---

^{*} Этим книгам посвящена специальная (основополагающая в историографическом смысле) статья П. А. Бессонова «Судьба нотных певческих книг» (Православное обозрение, 1864, № 5—6).

его знания, глубокую преданность делу, и малохудожественными, и не способными вытеснить из певческого обихода «фальшивые произведения, основанные на музыке западной».

Собственно, сам Потулов не претендовал на высокую художественность своих работ. Он говорит в одном из писем (цитированных Разумовским в очерке о Потулове — см. ниже):

...Я осмелился взяться за труд не с тем, чтобы преобразовать пение наше, — этот удел может достаться только какому-нибудь вдохновенному таланту, гению, — но с тем, чтобы вызвать хотя суждения об этом важном и многолюбимом мною предмете... В переложении моем я не старался быть музыкальным; ибо, по моему мнению, в древнем пении нашем должно искать не музыки, а только выражения того чувства, которое воодушевляет православного христианина в ту или другую минуту церковной службы.

И тем не менее, как явствует из вышеприведенного воспоминания Бессонова и других источников, обработки Потулова при исполнении за службой производили сильнейшее впечатление на соответствующим образом настроенных любителей русской старины и действительно, по всей видимости, представляли выгодный контраст с тем, что звучало в большинстве храмов «на каждый день».

Кроме того, переложения Потулова являли собой тот конкретный материал, который можно было противопоставить «агрессии» Придворной капеллы, той настойчивости, с которой — особенно в николаевскую эпоху, но и позже тоже — внедрялось в русской церкви придворное пение и гармонизации традиционных роспевов, выполненные директорами Капеллы и их сотрудниками. Кроме Потулова на тот момент, как казалось Одоевскому и Разумовскому, не имелось другого материала для борьбы с Капеллой: ведь нельзя же было предписать всеобщее употребление одноголосного пения по синодальным книгам на квадратной ноте. Трудно было опираться в такой борьбе и на стихийно сложившиеся формы монастырского и обиходного пения — они бытовали в устной форме или в рукописных «тетрадах», императорскими указами запрещенных к употреблению. О том, как сама Капелла смотрела на попытки московских деятелей уклониться от исполнения требований «унификации», пойдет речь далее. Здесь же приведем лишь один показательный по своей жесткости документ — письмо директора Придворной певческой капеллы Н. И. Бахметева к обер-прокурору Св. Синода от 10 мая 1865 года (его появление связано как раз с поисками возможности издания переложений Потулова):

Высочайшими повелениями, объявленными в указах 14 февраля 1816 года, 31 августа, 4 сентября и 10 декабря 1846 года и в мае 1850 года, и предписаниями г-на министра императорского двора от 29 апреля и 23 августа 1846 года возложены на директоров Придворной певческой капеллы как цензура всех музыкальных духовных сочинений, так и **переложение и печатание всего Круга старинного простого церковного пения** и наблю-

дение за правильным пением по изданным по высочайшему повелению нотам. 2 марта 1848 года бывшим министром императорского двора кн. Волконским подписан высочайше утвержденный образец **Обихода нотного пения**, с добавлением на нем слов «*собственность Капеллы*». С того времени и до сих пор печатаются все духовные переложения из Обиходов на счет Капеллы и продаются желающим. А так как положенный в правильную гармонию весь Обиход, по смыслу вышеозначенных высочайших повелений, не может быть изменен и переложен иначе как по высочайшему же повелению: то ясно из того, что **никакие частные люди не могут ни перелагать простого напева, ни печатать его** и обращать в свою пользу, точно так же как и Обиход, взятый с крюкового пения, Евангелия, Деяния Апостольские и прочие издания, употребляемые при богослужениях, не могут быть частным лицом издаваемы, кроме Св. Синода, которого они составляют собственность. Музыкальные же сочинения, конечно, не подлежат этому правилу, и с ними как не входящими в состав Обихода следует поступать, как изъяснено в высочайших повелениях, выше сего показанных. Сверх того, согласно высочайшему повелению, объявленному г-ном министром императорского двора 5 марта 1847 года за № 726, **право обучать пению в церквях простому напеву нотной музыки и сочинять новую может иметь только тот, кто выдержал в Капелле экзамен и получил высочайше утвержденный аттестат Придворной капеллы**, в которой имеется особый класс для регентов, обязанных по аттестатам № 2 и № 3 непременно представлять переложения из Обихода и вообще из всех крюковых изданий (sic!), а по № 1 — дается право сочинять. Следовательно, если бы каждому ученику регентского класса дозволить употреблять свои переложения, даже совершенно правильные в гармоническом отношении, а не так как употребляли пение в старину, когда гармонизация была в детстве, и даже, можно сказать, когда предки наши не имели о ней никакого понятия, — то вышло бы, что если бы 414 регентов, даже получивших аттестаты и переложивших Обиходы, печатали хотя и на свой счет, то было бы 414 различных напевов, не считая того бесчисленного количества сочинений и переложений, которые представляют мне **разные самоучки**, воображающие каждый о себе, что предмет этот так легок, что он ему может быть так же известен, как и специалисту; а потому такое послабление могло бы быть, между прочим, **одною из причин к распространению раскола**, точно так же, как и не на своем месте поставленная запятая, тогда как в высочайших повелениях, объявленных г-ном обер-прокурором Св. Синода 12 марта 1846 года за № 2018 и г-ном министром императорского двора 5 марта 1847 года за № 726, сказано, что государь император повелеть соизволил, чтобы **пение было повсюду единообразно, по изданным от Придворной капеллы нотам**, и если бы государь император не имел этого в виду, то во всех вояжах своих не приказывал бы отправлять вперед своего уставщика, на обязанности которого лежит приготовление как архиерейских, так и других хоров в тех местах, куда его величество изволил приезжать, — что было бы неисполнимо, если бы повсюду пение не было бы единообразно с употребляемым при высочайшем дворе*.

* Цит. по: Разумовский Д. В. Н. М. Потулов и его труды по разработке древнецерковного русского пения // Древности, Труды Московского археологического съезда, вып. 2. М.,

Документ — поистине сокрушительный. Из него следует, что на клиросах всех храмов России может звучать лишь то, что издано Капеллой, и никакие «самоучки» не могут ничего перелгать и никого никакому церковному пению учить. Нарушение данного положения якобы грозит не более не менее как «распространением раскола». Разумеется, подобные требования были совершенно неисполнимыми — и никогда не исполнялись. Но попытки к их претворению в жизнь предпринимались. Например, утверждение, что государь «во всех вояжах» приказывал отправлять вперед своего уставщика для обучения местных хоров придворному пению (имеется в виду, конечно же, государь Николай I; его преемник церковным пением вовсе не интересовался), находит подтверждение, например, в документах митрополита Филарета: уставщики от Капеллы неоднократно посылались и в Успенский собор Кремля, и в митрополичий Чудовский хор, и в саму Троице-Сергиеву лавру. Митрополита, большого знатока церковного пения, это оскорбляло, но он вынужден был терпеть и давать распоряжения своим подчиненным дипломатически обходиться с петербургскими посланниками. Наконец, в 1850 году лаврским пением и его переложением в «правильную гармонию» решил заняться сам директор Капеллы А. Ф. Львов. По этому поводу митрополит написал наместнику Троице-Сергиевой лавры архимандриту Антонию замечательное письмо:

Смирение посылает нам Бог в том, что генерал хочет всю церковь переучить пению по-своему. Если в Лавре поют хорошо; если там корень греческого пения, на что же хотеть вырвать сей корень и предлагать четырехголосное пение? Если дадите свои ноты, к ним приложат такую гармонию, что и не узнаете ваших нот и вашего напева. И когда вы скажете, что это несходно с вашим прежним, то вам скажут, что гармония правильна и такую признает ее вся Европа. Поэтому лучше нам петь, как благословил доньне преподобный Сергей; и это его милость, что о лаврском пении не завелось дела, которое для некоторых других мест не без затруднений было*.

Понятно отсюда благожелательное отношение митрополита к переложениям Потулова: хоть и художественно несовершенные, они были сделаны с искренним уважением к традиционному пению.

Таким образом, сама историческая ситуация выдвинула вперед важнейшую для деятелей этого периода тему «борьбы с Капеллой», то есть, с одной стороны, с современной им петербургской бюрократией, а с другой, с тем историческим наследием «итальянщины» и прочего, что несло в себе прошлое Капеллы.

1876, с. 146—147. [В нижеследующей публикации данной работы это письмо, находящееся в примечании, опущено. Шрифтовые выделения наши. — *Сост.*]

* Письма митрополита Филарета к архимандриту Антонию, ч. 3, 1850—1856. М., 1883, с. 8.